

Очерки горной Бухары.

Гиссарскій край.

Въ верховьяхъ рѣки Кафернигана.

(Окончаніе) ¹⁾.

Глава IV.

Кишлаки Хахи и Вистанъ.—Преданіе о святомъ Адамъ.

Кишлаки Хахи и Вистанъ не привлекли моего вниманія, представляя собою заурядныя таджикскія селенія, похожія всѣ удивительно другъ на друга.

Большое число козъ и барановъ, встрѣчавшихся подъ кишлаками и обширные загоны для скота, указывали на значительное количество его въ этомъ районѣ.

Старикъ-пастухъ, опираясь на длинную палку, со стариннымъ мултукомъ за плечами, казался какимъ-то библейскимъ патріархомъ.

Стадо козъ и барановъ окружало его вмѣстѣ съ нѣсколькими собаками, создавая типичную картину.

Я остановился около, воспользовавшись случаемъ узнать тѣ основанія, на которыхъ нанимается такой пастухъ иногда цѣлымъ кишлакомъ, а чаще же однимъ или нѣсколькими собственниками стада.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 7.

Старикъ испуганно отодвинулся, когда я подѣхалъ къ нему вплотную.

— Селямъ-Алейкумъ—здравствуй, ошна! Привѣтливо обратился я къ пастуху.

— Какъ велико все стадо и сколько даютъ тебѣ на пропитаніе за труды?

Пастухъ добродушно улыбнулся и, поднявъ на меня свои черные глаза, заговорилъ:

— Аллахъ и люди даютъ мнѣ столько, что я могу жить и питаться, не чувствуя никогда голода, а кромѣ того изъ числа родившихся молодыхъ барашковъ и козликовъ, я получаю каждого седьмого, составляющаго мою собственность и, такимъ образомъ каждую осень, когда производится счетъ стада, часть ихъ уже признается моими.

Но, тюра, все зависитъ отъ воли Аллаха, иногда Аллахъ посылаетъ на молодыхъ болѣзни и тогда много издыхаетъ молодыхъ, а моя часть все уменьшается и ихъ остается немного. Но въ счастливый годъ и у меня остается достаточно.

Въ этомъ году весной я обращался къ прорицательницѣ—есть у насъ въ кишлакѣ одна такая женщина, на которую во время сна упала тѣнь горнаго духа. Она мнѣ сказала, что къ осени у меня будетъ много барановъ и козловъ. И предсказаніе ея исполняется: за все время лѣта пало немного, а дикіе звѣри разорвали не больше десятка.

— Ничего, аксакалъ, на твою долю будетъ достаточно, замѣтилъ одинъ изъ авганцевъ.

Хотя всѣ люди хотятъ имѣть какъ можно больше, но старый Ишанъ изъ Бальха мнѣ говорилъ, что Аллахъ не любитъ, когда люди бываютъ жадны. Лучше желать меньшаго и тогда получишь больше. А если кто много желаетъ, ничего не получить.

Надо такъ жить, какъ жилъ нашъ Балхскій Хазретъ-Адгамъ.

Я слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее за кустъ, присѣлъ на камняхъ, подавъ примѣръ для отдыха. Всѣ мои спутники расположились около и, вынувъ черствыя лепешки, начали закусывать, черпая пригоршнями мутную воду изъ рѣки.

— А чѣмъ же такъ прославился Балхскій Хазретъ-Адгамъ? спросилъ я у авганца, сидѣвшаго невдалекѣ отъ меня.

— Тюра хочеть знать про Хазрета-Адгама. Я не знаю, гдѣ онъ родился и когда было время его жизни. Но только онъ былъ знатнаго рода. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ читалъ онъ много книгъ и вель бесѣды съ учеными людьми. Узналъ онъ, что только отрек-

шнсь отъ почестей и богатствъ, можно сдѣлаться совершеннымъ, святымъ и сдѣлался тогда дервишемъ, ничего не имѣющимъ и отдавшимъ свою волю своему Ишану.

Приказаль ему Ишанъ жить между людьми простымъ человекомъ, зарабатывая себѣ кусокъ хлѣба своимъ трудомъ.

Обошелъ Адгамъ весь Балхъ, видитъ всѣ люди работаютъ, трудясь подъ знойными лучами нашего авганскаго солнца, мучаясь часто жаждою. Рѣшилъ онъ облегчать работу людей и сталъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Купилъ онъ кожаный турсукъ и сдѣлался мешхабомъ—водоносомъ, нося воду изъ далекаго родника и продавая ее на базарѣ.

Такъ шла его жизнь спокойно. Но судьба у каждаго человѣка своя и никто не знаетъ, что кому предназначено совершить во время жизни.

Въ одинъ день несъ онъ свой турсукъ, изнемогая подъ его тяжестью и на поворотѣ улицы долженъ былъ остановиться, ибо на встрѣчу ему шли какіе-то знатные люди. Прижался Адгамъ къ стѣнѣ, чтобы пропустить встрѣчныхъ, опутивъ глаза въ землю. Но внезапно, будто кто-то ему приказаль, посмотрѣть передъ собою. Сдѣлавъ это онъ чуть не упаль—передъ его глазами мелькнули на минуту черные глаза прекрасной молодой дѣвушки, чудное лицо которой обнаружилъ шаловливый вѣтеръ, откинувшій покрывало, его закрывавшее.

Упала искра желанія въ его сердце и загорѣлась вся его молодая кровь въ жилахъ.

Утратилъ онъ свой сонъ и только и думаль какъ бы достать себѣ эту дѣвушку. Но оказалась она дочерью самого Балхскаго хана.

Не смутило это Адгама—пошелъ онъ къ хану во дворъ и павъ передъ нимъ на колѣни сталъ просить отдать ему ханскую дочь въ жены.

Разсмѣялся ханъ, услышавъ такія слова—былъ онъ веселъ, и уцѣлѣла поэтому голова Адгама.

«Хорошо, мешхабъ, я дамъ тебѣ свою дочь въ жены, но только вмѣсто калыма принеси мнѣ двѣ жемчужины, такія большія и рѣдкія, чтобы были величиною не меньше обыкновеннаго орѣха».

Не долго раздумываль Адгамъ—слышаль онъ, что лежить жемчугъ въ глубокихъ водахъ далекаго моря и тотчасъ же пошелъ на морской берегъ, гдѣ плескались морскія волны.

Взялъ онъ свой турсукъ и сталъ имъ вычерпывать морскую воду, выливая ее на прибрежный песокъ.

Долгіи срокъ многихъ дней и недѣль отдалъ онъ этой тяжелой

работѣ, продолжая ее до тѣхъ поръ, пока не узнали объ этомъ въ морскомъ царствѣ морскіе люди и не сказали про работу Адгама.

Обезпокоился морской падишахъ—вычерпаетъ Адгамъ все море и негдѣ будетъ тогда жить морскимъ людямъ. Выплылъ самъ морской повелитель изъ воды и приблизился къ берегу.

Разказалъ ему Адгамъ о своемъ рѣшеніи вычерпать все море, чтобы достать со дна морского двѣ крупныхъ жемчужины величиною съ орѣхъ.

Смутился морской падишахъ услышавъ эти слова, огромною волною поднялся онъ надъ берегомъ, откатился назадъ и исчезъ въ морскихъ глубинахъ. Приказалъ онъ своимъ морскимъ людямъ собрать всѣ крупныя жемчужины и отнести ихъ Адгаму. Быстро поплыли морскіе люди и черезъ часъ времени одна волна за другою подкатываясь къ берегу, приносила съ собою жемчужины, выбрасывая ихъ на берегъ къ ногамъ Адгама.

Собралъ Адгамъ жемчугъ и пошелъ въ Балхъ, гдѣ отнесъ Балхскому хану двѣ большихъ жемчужины, величиною въ орѣхъ, но не хотѣлъ ханъ родниться съ мешхабомъ—приказалъ онъ своему казначею сказать, что украдены тѣ жемчужины изъ царской казны. И этимъ не смутился Адгамъ, показалъ онъ тогда цѣлый мѣшокъ жемчуга, который дали ему морскіе люди. Но и при видѣ этихъ богатствъ осталось неизмѣннымъ ханское слово—не отдалъ онъ дочери ничтожному мешхабу, а жемчугъ приказалъ весь взять въ царскую казну.

Опечалился Адгамъ, ушелъ изъ Балха въ пустыню, но въ тотъ же день передъ вечернимъ намазомъ, проходя черезъ кишлакъ услышалъ онъ, что вынулъ Азраиль душу у дочери хана, а прекрасное ее тѣло погребли на кладбищѣ и уже поставили на могилѣ надгробную плиту.

Вернулся Адгамъ ночью въ Балхъ и вырылъ тѣло дѣвушки изъ могилы. Было оно какъ живое и видно, что не дотронулся Азраиль до ея чела. Открылъ Адгамъ ей жилы на рукахъ и потекла кровь, а затѣмъ открыла дѣвушка глаза. Она не умерла, а была лишь у нея болѣзнь сокота (обмираніе).

Увелъ онъ молодую ханшу далеко отъ Балха и заключилъ съ нею ниссахъ—свадьбу.

Черезъ годъ молодая жена принесла ему сына, а когда мальчикъ выросъ, всѣ люди замѣтили, что похожъ онъ лицомъ на Балхскаго хана и заговорили объ этомъ на всѣхъ базарахъ, а оттуда дошелъ слухъ и до ушей Балхскаго хана.

Захотѣлъ онъ видѣть людей, про которыхъ всѣ говорили. II

когда ихъ привели къ нему во дворъ, узналъ онъ сейчасъ же и свою дочь и Адгама и своего внука.

Окончилъ жизнь Адгамъ не простымъ челоувкомъ, а Хазретомъ—святымъ, заслуживъ особую милость у Аллаха. Сынъ же его, по имени Ибрагимъ, былъ позже Иранскимъ падишахомъ.

Мѣстность между тѣмъ значительно измѣнилась, горы сдѣлались круче и мягкія очертанія ихъ исчезли, а вмѣсто этого мѣстами видѣлись обрывы, подходившіе къ самой рѣкѣ.

Огромные камни усыпали берега, затрудняя движеніе. Узкая, иногда едва замѣтная, тропа вилась между камней и густою растительностью цѣлымъ лѣсомъ покрывавшею берега рѣки.

Развѣсистые деревья орѣха выдѣлялись своею мощною листвою, среди кленовъ и тутовыхъ деревьевъ, перемѣшанныхъ кое-гдѣ съ бѣлыми стволами березъ, своимъ видомъ напоминавшихъ растительность Средней Россіи. Кудрявыя ихъ верхушки, тѣсно прижимались другъ къ другу, какъ будто ища поддержки у сосѣдей. Тутовые деревья были покрыты крупными бѣлыми и черными ягодами, напоминавшими малину.

Рѣчная долина перешла уже въ ущелье, становясь уже и красивѣе. Перебравшись на лѣвую сторону рѣки по мосту, мы поднялись къ кишлаку Вистону, расположенному на высококомъ обрывистомъ берегу. Далеко виднѣясь со всѣхъ сторонъ, кишлакъ этотъ особенно красивъ издали своими садами, окружающими всѣ сакли, и обширнымъ общественнымъ садомъ изъ развѣсистыхъ старыхъ тутовъ, дающихъ тѣнь и прохладу подъ своими вѣтвями въ лѣтнее время.

Небольшіе виноградники виднѣлись около сакль въ садахъ, гдѣ виноградныя лозы, протянувшись по стволамъ деревьевъ, сплелись съ ними вмѣстѣ, образуя спутанную шапку, среди которой висѣли небольшія грозди съ мелкимъ, выродившимся виноградомъ.

Находясь на высотѣ около 5.200 футовъ, кишлакъ Вистонъ отличается умѣреннымъ климатомъ, хотя все же лѣтнія жары среди дня въ немъ значительны и ночи очень прохладны.

За Вистономъ и до кишлака Дашти-Махоръ древесныя заросли еще болѣе значительны и деревья достигаютъ большой толщины, хотя вышина ихъ невелика.

Огромныя камни, снесенные съ верховьевъ водою, покрывали всѣ берега. Обточенные водою въ теченіе тысячелѣтій эти валуны отличались большимъ разнообразіемъ цвѣтовъ и яркостью окраски, въ особенности тамъ, гдѣ ихъ омывала вода.

Глава V.

Авганскіе бѣженцы и ихъ исторія.

Съ правой стороны въ Сарда-и-Міону вливается многоводный притокъ Арку, берущій свое начало изъ подъ перевала Лоля-Куль.

Неся съ вершинъ горъ массу камней вмѣстѣ съ глиною, вода въ теченіе тысячлѣтій набросала колоссальные пласты камня, покрывая ихъ каждый разъ слоями глины, въ видѣ прослоекъ. Эти наносы возвышались въ видѣ террасъ, производя впечатлѣніе своимъ видомъ, наглядно дающимъ представленіе о вѣковой работѣ воды, продолжающейся и въ настоящее время непрерывно.

На ночлегъ мы расположились въ саду—майданѣ, представляющемъ, какъ бы мѣсто для общаго пользованія всѣмъ населеніемъ кишлака. Огонь костра бросалъ достаточный свѣтъ, освѣщая все пространство между деревьями. Невдалекѣ отъ насъ съ Г. расположились авганцы.

Пожилой, съ сильно посѣдѣвшею бородою авганецъ, который видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ меня въ Самаркандѣ, хотя я его и не помнилъ, на правахъ стараго знакомаго особенно ухаживалъ за нами, всѣми силами стараясь чѣмъ нибудь услужить.

— Теперь мы можемъ какъ слѣдуетъ поговорить, обратился я къ самому знатному Магометъ-Хану, видя, что онъ какъ будто хочетъ заговорить, но стѣсняется начать разговоръ.

— Не расскажетъ ли намъ ханъ подробнѣе причину, почему онъ со своими людьми уѣхалъ изъ Авганистана?

— Полковникъ хочетъ знать—если онъ прикажетъ, то я охотно расскажу, вспомнивъ тяжелые годы моей жизни въ Кабуль, столицѣ Авганистана.

Полковникъ знаетъ, что только вдали отъ большихъ важныхъ людей можно спокойно жить. Меня же судьба бросила въ самый водоворотъ жизни.

Принадлежа къ знатному роду Барказайскому, съ ранняго дѣтства глаза мои видѣли городъ Кабуль, дворцы и сады эмира и огромныя зданія заводовъ и фабрикъ, которыя понастроилъ эмиръ Абдурахманъ-ханъ.

Шумная жизнь большого города и его обширные базары съ тысячной толпою не производили на меня впечатлѣнія, а великолѣпныя одежды эмирскихъ людей, не казались особенно привлекательными потому, что и мои родные носили такія же и, удостоившись счастья видѣть самого повѣлителя, насыщаться въ его дворцѣ

вмѣстѣ съ другими людьми и вмѣстѣ же съ ними служить самому эмиру.

Еще мальчикомъ я игралъ вмѣстѣ съ сыновьями эмира Хайтула и Инаптула-ханами. Юношей меня взяли во дворецъ и я началъ служить въ дворцовой стражѣ, охраняя особу эмира—повелителя Авганистана.

Нашего рода былъ большой человекъ во всей странѣ Юзефъ-Ханъ-Барказай. Помимо знатности рода, его дочь Уль-и-Джанка, была женою старшаго сына эмира, Хабибула, нынѣ правящаго Авганистаномъ. Всѣ люди одного рода у насъ свои и всегда оказываютъ другъ другу поддержки, почему какъ Юзефъ-ханъ, такъ и Уль-и-Джанка мнѣ покровительствовали, отличая отъ другихъ людей. Но только другіе жены эмира не любили ее и постоянно наговаривали на Уль-и-Джанку.

Она была совсѣмъ плохая мусульманка, одѣвалась не такъ, какъ наши женщины, а въ платьѣ, привезенныя отъ инглизовъ изъ Индіи и ходила съ открытымъ лицомъ, не скрывавшимъ ее красоту.

Эмиръ любилъ съ ней вести бесѣды и очень часто вечеромъ его кони останавливались около двора Уль-и-Джанки.

И мы всѣ близкіе слуги ея получали милости повелителя.

Постепенно сдѣлавшись взрослымъ человекомъ, приставленъ я былъ къ завѣдыванію всей посудой, которой было такъ много, что ею была уставлена огромная комната. Чего-чего не было среди этого склада: стекло изъ Индіи, Россіи, серебро и золото со всего міра, въ видѣ кувшиновъ, тазовъ, блюдь и чашъ. Но все это стояло и подавалось очень рѣдко.

Я уже имѣлъ въ это время свой собственный дворъ, двухъ женъ, много лошадей, скота и одежды. Земля моя приносила мнѣ достаточное количество зерна и мнѣ съ избыткомъ хватало на жизнь. И хвала Аллаху, жизнь шла въ довольствѣ и спокойствіи.

Взялъ себѣ въ это время эмиръ Хабибула еще нѣсколько женъ, а Уль-и-Джанка перестала пользоваться его благосклонностью и ко всѣмъ намъ ея людямъ онъ сталъ относиться хуже. А люди завистливы и поэтому мое благополучіе вызывало желаніе многихъ оклеветать меня передъ эмиромъ, но ничего ни разу не удалось сдѣлать моимъ врагамъ. Много прошло лѣтъ жизни и я уже думалъ, что ко мнѣ судьба благосклонна.

Но наступилъ часъ испытанія въ то время, когда я меньше всего ожидалъ.

Однажды захотѣлъ эмиръ, чтобы подано было питье въ рѣдкомъ

серебряномъ кувшинѣ, который ему прислалъ въ подарокъ одинъ изъ инглизовъ. Я взялъ ключи и пошелъ за нимъ и, взявъ этотъ кувшинъ, стоявшій всегда на опредѣленномъ мѣстѣ, хотѣлъ его нести, но къ моему ужасу выскользнулъ проклятый сосудъ и зазвѣнѣвъ упалъ на землю, разбившись на нѣсколько кусковъ и лишь серебро оправы осталось цѣлымъ.

Павъ на землю и цѣлуя прахъ, я просилъ простить мою вину, но страшно разсердился эмиръ, былъ онъ не совсѣмъ здоровъ и приказалъ примѣрно наказать меня, сказавъ:

«Разъ рука у этого человѣка провинилась, то слѣдуетъ ему отрубить руку. Завтра же это долженъ выполнить палачъ...»

Схватили тогда меня люди, потащили въ тюрьму, гдѣ надѣли на ноги тяжелыя деревянныя колодки и оставили въ темномъ помѣщеніи, одного со своими мыслями.

Я долго молился Аллаху Милосердному, прося спасти меня отъ страшнаго увѣчья. И представъ себѣ, въ эту ночь случились событіе, которое сохранило мнѣ руку, но все же вся моя жизнь измѣнилась и я былъ покрытъ еще худшимъ безчестіемъ.

Уже нѣсколько дней эмиръ послѣ охоты чувствовалъ какую-то неловкость правой руки, которую онъ укололъ о какое-то растеніе. Вечеромъ началась въ рукѣ сильная боль, а среди ночи боль сдѣлалась настолько невыносимою, что эмиръ сталъ страшно кричать, не находя себѣ покоя.

Всѣ придворные доктора стали употреблять всякія средства, чтобы облегчить страданія нашего Повелителя, но ничего не помогало и эмиръ кричалъ, какъ зарѣзанный, ежеминутно повторяя, что онъ испытываетъ оцущеніе, какъ будто бы у него отрѣзали руку.

Всѣ люди во дворцѣ не спали эту ночь и лишь когда подъ утро эмиръ забылся кратковременнымъ сномъ, настала, наконецъ, тишина.

Проснувшись въ полдень, эмиръ, къ своей радости, почувствовалъ, что боль прошла. Веселый и довольный онъ приказалъ позвать всѣхъ людей и, не вставая еще со своего ложа, сказалъ:

«Боль прошла и я здоровъ, но за то теперь я самъ могу удостовѣрить, какъ велико страданье у каждаго человѣка, которому отрѣжутъ руку; я самъ испыталъ, что у меня ее отрѣзали и она страшно болѣла. Приказываю, чтобы отнынѣ ни одному человѣку во всемъ Авганистанѣ, ни за какую вину не отрѣзали бы руки».

Всѣ склонились и прославили мудрость Повелителя, а мнѣ приказано было не отрубать руки.

Враги же мои, не оставались спокойными. Явились люди съ кутвалемъ ²⁾ въ мой дворъ и стали обыскивать всё помѣщенія.

Ты не знаешь, что у насъ, всё кто имѣеть деньги или драгоценности всегда ихъ хранитъ въ потайномъ, одному ему извѣстномъ мѣстѣ. И у меня былъ мѣшокъ звонкихъ рупій и русскихъ золотыхъ монетъ, который я спряталъ въ помѣщеніе, гдѣ подъ нимъ хранилось зерно.

Нашли эти деньги и принесли къ эмиру, сказавъ, что я получилъ это русское золото за свою измѣну.

Вѣришь, мы всё авганцы любимъ и собираемъ золото, а лучше русскаго его нѣтъ, и у каждаго можно найти монеты съ портретомъ уруса-падишаха.

Я не знаю, кто написалъ, но представили эмиру какое-то письмо мнѣ отъ Исаакъ-Хана. Сейчасъ же приказалъ эмиръ мой дворъ, имущество, женъ и дѣтей взять въ казну. Два раза водили меня на допросъ къ самому эмиру, я оправдывался, выставлялъ свидѣтелей, но ничему не вѣрилъ эмиръ.

Многихъ моихъ родныхъ схватили и также посадили въ тюрьму: насъ ожидала страшная смерть, разстрѣляніемъ изъ пушки, подобно тому, какъ въ это же время Корнель-Умаръ-ханъ по повелѣнію эмира, арестовавъ 36 солдатъ, которыхъ подозрѣвали въ подготовленіи къ возстанію, казнилъ ихъ по очереди, въ присутствіи тысячъ смотрѣвшихъ.

Казнимаго привязывали спиною къ дулу пушки и стрѣляли изъ нея. И тогда вокругъ летѣли клочья мяса и кровь орошала все пространство вокругъ.

Но не забыли меня люди моего рода. Золото открыло двери тюрьмы и мы могли бѣжать, захвативъ съ собою и сторожившаго насъ солдата. Лишь двое изъ моихъ родныхъ были зарѣзаны раньше.

Цѣлую ночь скакали мы, держа путь на сѣверъ и скрываясь днемъ въ горахъ и заросляхъ, какъ звѣри, черезъ недѣлю перебрались уже черезъ широкую Аму-Дарью, достигнувъ мѣста, гдѣ мы могли себя считать въ безопасности. Лишь только жадность бухарскихъ бековъ заставляла насъ скрываться.

— Что же вы предполагаете теперь дѣлать? спросилъ я, невольно удивляясь изумительному спокойствію, съ которымъ относился авганецъ къ утратѣ своей семьи и всего имущества.

— Мы будемъ жить около эмира Исаакъ-Хана, какъ и другіе, раньше насъ ушедшіе изъ Авганистана, ожидая того времени,

²⁾ Полицеймейстеръ.

когда съ помощью урусовъ онъ вернется въ Кабуль и тогда я сведу счеты со своими врагами.

Костеръ уже догоралъ и кроваво-красные уголья покрылись сѣрымъ пепломъ.

Яркія удивительной величины звѣзды появились на небѣ и ихъ мерцающій свѣтъ красиво выдѣлялся на темномъ фонѣ.

Шумъ рѣки сливался съ лаемъ собакъ, нарушая тишину.

За горами вспыхнули свѣтлые отблески луны и, быстро загораясь, побѣжали вверхъ, разгоняя тьму. Багрово-красный огромный дискъ мѣсяца черезъ минуту сталъ подниматься изъ-за горнаго хребта, остановившись на мгновение надъ вершиною, а затѣмъ, оторвавшись, поплылъ плавно въ пространствѣ, уменьшаясь, блѣднѣя и распространяя вокругъ себя серебристый свѣтъ, проникавшій во всѣ ущелья.

Вдали заискрились снѣговыя вершины, вспыхнувъ голубоватыми тонами.

Сидя на возвышеніи, авганецъ, не шевелясь, пристально смотрѣлъ на дискъ луны и въ его печальныхъ глазахъ отсвѣчивали ея лучи, кладя темныя тѣни вокругъ нихъ и придавая всему лицу особенно скорбное выраженіе.

Казалось, онъ вспоминалъ тѣ муки, кеторыя пережилъ и всю свою прежнюю жизнь вмѣстѣ съ близкими дорогими людьми, съ которыми не придется никогда встрѣтиться.

Но мягкій свѣтъ луны дѣйствовалъ успокоительно, навѣвая грусть и заглушая злобу и ненависть.

Чувствовалось величіе Творца и ничтожность людскихъ дѣлъ и страданій.

Д. Логофетъ.

